

Журнал "Вокруг Света"

№5, май 1964

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 55
ББК 26.3
Ж92

Ж92 Журнал "Вокруг Света": №5, май 1964 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 72 с.

ISBN 978-5-458-43336-5

Журнал "Вокруг Света" издается с 1861 года, и заслуженно считается лучшим научно-популярным изданием, о чем свидетельствуют многочисленные награды читательской любовь. "Вокруг Света" позиционируется как журнал о путешествиях, научных открытиях, перспективах развития цивилизации, в общем о мире людей. Постоянными авторами журнала в разные годы были: Кир Булычев, В. Ерофеев, А. Беляев и многие другие. За время издания было выпущено 2860 номеров журналов (данные на май 2012 года). В номере:- Таежная нефть- Трехпалый оборотень- Манящие острова- Фаросский маяк- Савана без сафари

ISBN 978-5-458-43336-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

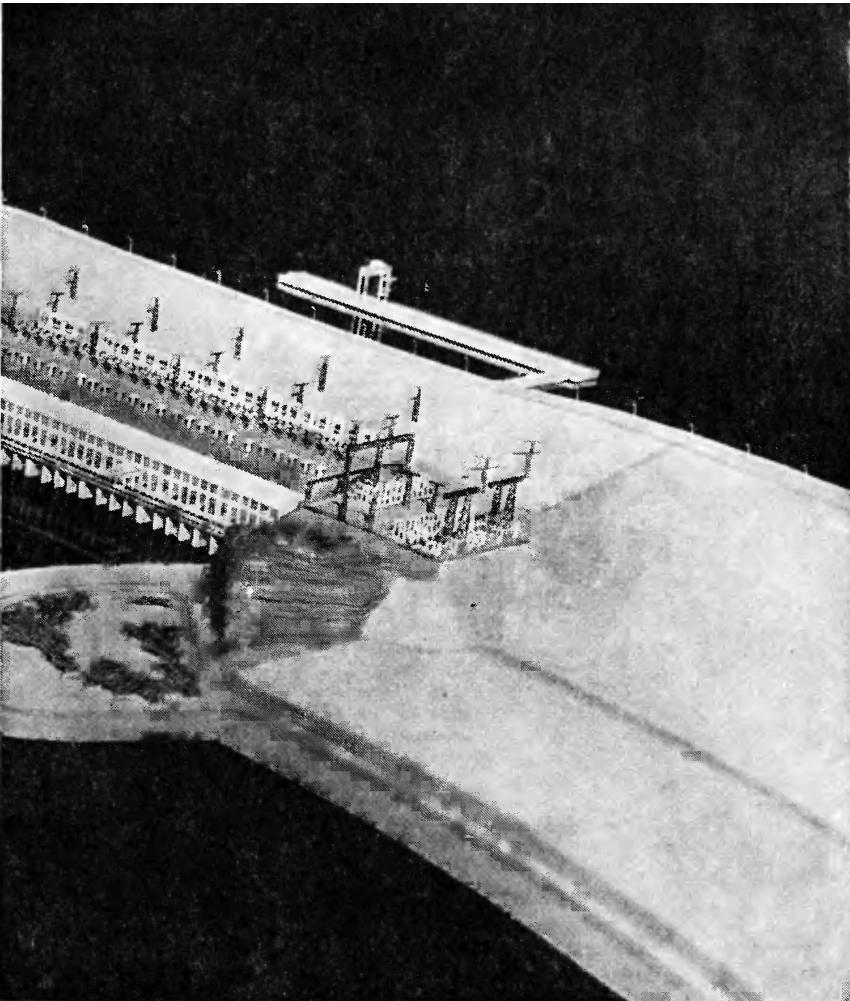
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Фоторепортаж А. ГОРЯЧЕВА

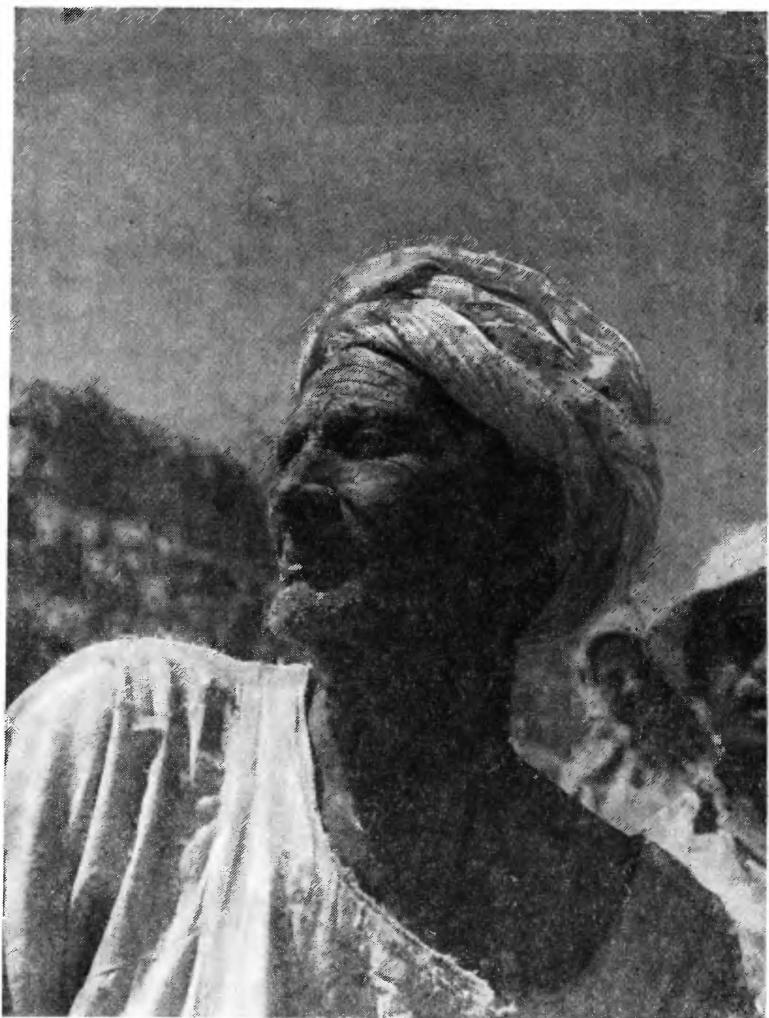
Старый феллах пришел на стройку — его земле нужна вода.

АЛЬ-ААМ

и коротко: «восьмое чудо света». А сооружают это чудо простые парни — вчерашние феллахи, впервые соприкоснувшиеся с техникой, молодые египетские инженеры, для которых плотина на Ниле стала школой современного индустриального строительства. Свое знание, умение и опыт в этой школе передают египетским строителям наши специалисты — покорители Ангары, Енисея, Волги, творцы энергетических гигантов и каналов мирового значения.

Есть близ Асуана новая железнодорожная станция, куда днем и ночью приходят вагоны с оборудованием из Советского Союза. Станции дали имя «Садака» — «Дружба». Символическое название!

АФРИКИ

Я тоже строю Асуан!

Все в Асуане свидетельствует о дружбе двух народов, сообща ведущих наступление на пустыню. Слово «руси» часто услышишь в разговоре египетских рабочих, и звучат в этом слове благодарность и уважение. Президент ОАР Гамаль Абдель Насер сказал о советских специалистах:

«Мы благодарим советских рабочих и техников, которые в тяжелых природных условиях, отличных от природных условий своей страны, трудятся здесь. Мы благодарим их за проявление высокого морального духа, за помощь, которую они оказывают нам. Мы говорим им, что строительство высотной плотины будет являться образцом арабско-советской дружбы, которая пройдет через всю историю».

Да, условия в Асуане нелегкие. Недаром наши ребята окрестили Асуан «египетским Оймяконом», «полюсом жары». Столбики термометров поднимаются в эти дни к цифре «50». Ветер, несущий дыхание пустыни, обжигает, палит лицо, изнуряет. А люди работают. И работают здорово.

Не так давно в Асуане состоялось знаменательное торжество. К деревянному дому, стоящему рядом со старой плотиной, один за другим подъезжали автомобили разных марок, от наших зеленых работяг «козликов» до черных сверкающих «кадиллаков».

Чествовали первых асуанских «миллионеров». Виновниками празднества были четверо русских и четверо египтян — экипаж экскаватора, первым завершивший выемку миллиона кубометров гранита из ложа будущего канала.

И русские и египтяне говорили о том, что трудовой человек — главный герой наших дней и нет более высокой и почетной обязанности, чем служение народу. «Миллионеры» от имени рабочих Асуана дали торжественное обещание — приложить все усилия к тому, чтобы приблизить день полного покорения Нила.

Они держат свое слово. Наступил большой день Асуана, стройка сдает экзамен на аттестат зрелости. Завершается перекрытие Нила. Экскаваторы стальными челюстями вскроют временные перемычки, и воды великой африканской реки устремятся в новое русло. Более ста тяжелых минских самосвалов заполнят камнем проран в основном русле, соединят берега в вечном рукопожатии.

И царственный Нил покорится человеку...

Туннель для нильской воды.

К 1970 году искусственное озеро позволит на треть увеличить площадь орошаемых земель ОАР, гидростанция на новой плотине даст вдвое больше энергии, чем вырабатывают сейчас все электростанции страны.

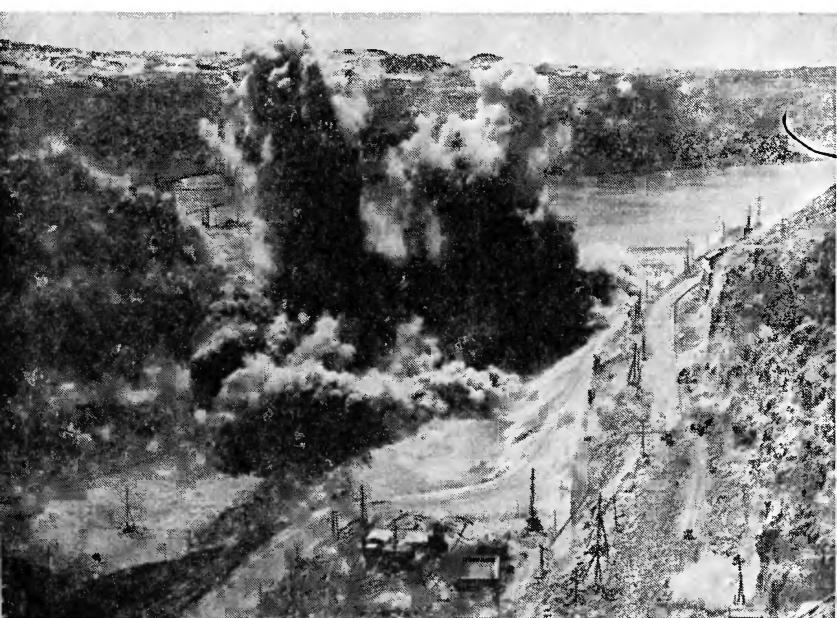
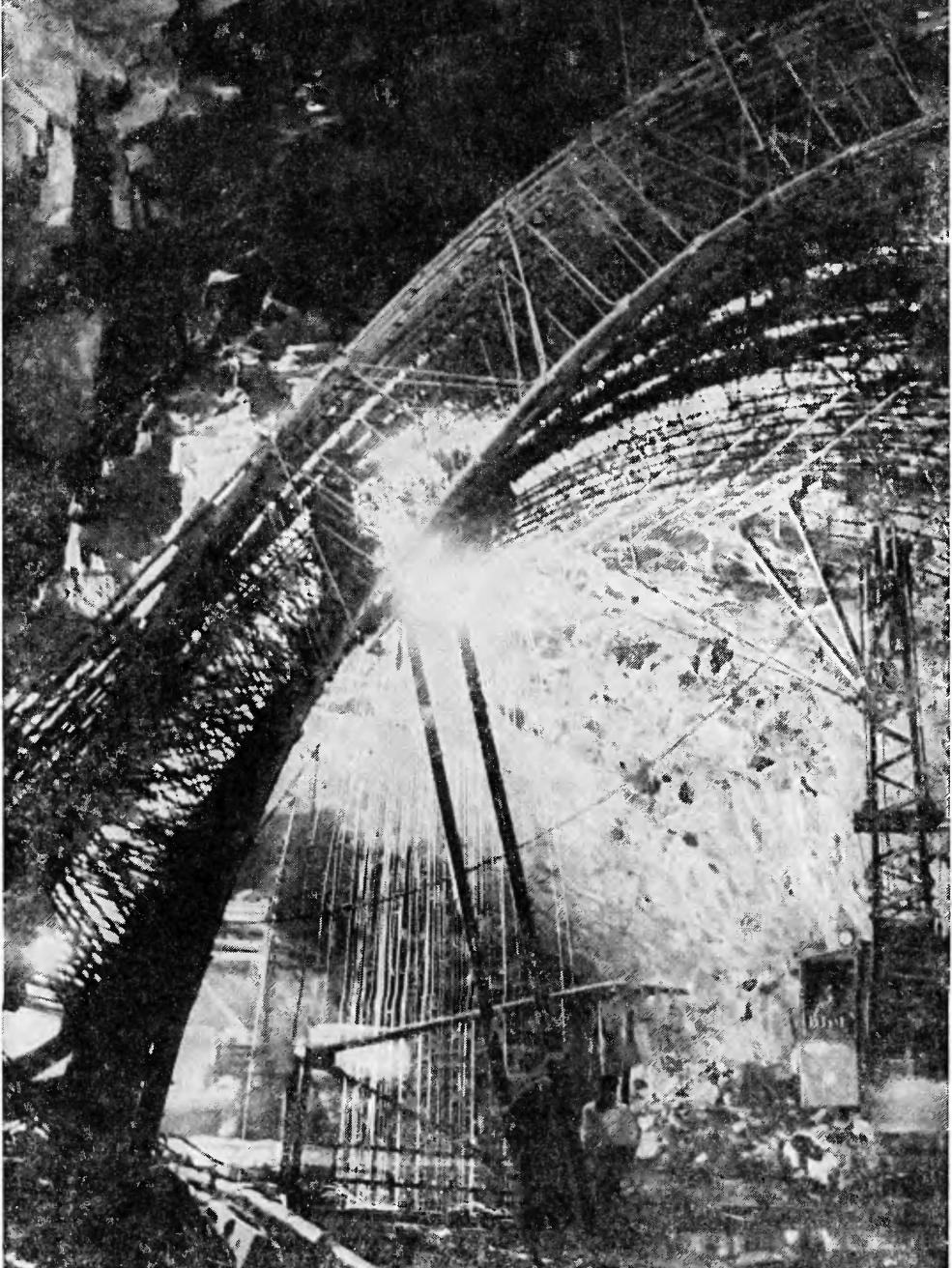
Пройдет еще немало времени, прежде чем будут завершены все работы по сооружению плотины и гидростанции. Но эти радостные майские дни перекрытия начнутся запомнятся всем строителям Асуана. И особенно решительно, побоевому звучит сейчас в Асуане песня-гимн, слова которой близки сердцу и русских и арабов:

«Мы решили, и мы построим высотную Асуанскую плотину».

**А. БОЛДЫРЕВ,
Ю. ТЫССОВСКИЙ**

Мирные взрывы укрошают реку.

Идет производственная летучка... →

Птаежная

М. ДЕМИН, наш спец. корр.

«Где ты, Наташа?» — Начало поиска. — Под северным сиянием. — Дороги, которые мы выбираем. — Вышка над утренним небом.

1

Аэропорт в Кондинске невелик.

По краям песчаного поля топорщится чахлый ельничек. Бродит по полю ветер — ворошит песок, крутит бумажный мусор. Хлопает вымпел над крышей низкого бревенчатого дома. Домик содрогается от голосов и сапожного топота. Он не вмещает в себя пассажиров. Те, кто строил его, вряд ли могли предложить его близкое будущее.

Здесь, в глухи, в стороне от больших дорог, жизнь текла неторопливо; казалось, время обходит стороной пустынную и огромную приобскую тайгу. И вот все изменилось. Изменилось внезапно и круто. С того момента, когда была открыта первая в Сибири большая нефть.

С темна до темна гудят переполненный аэропорт. Вокруг, на сотни километров — лесотундра. Тайга не густая, пропитанная кислыми испарениями болот, вся в путанице обских притоков — медленных, илистых, туманных. Тут основной, самый надежный транспорт — самолет.

Со всех концов страны прибывают сюда люди. Различные люди. Несхожие обликом. Изыскатели, снабженцы, практиканты столичных вузов. Беспокойная эпоха свела их здесь, переплела пути их и судьбы. Они толкуются в тесном, задымленном зале. Сознаваются с начальством. Дожидаются попутных рейсов в глубинку. Спорят, и поют, и помалкивают мечтательно.

Фасад дома испещрен надписями. Самая верхняя и, видимо, давняя гласит:

«Стена жалоб и предложений и вообще». Под ней начертано:

«Здесь в ожидании летней погоды скучали трое — Гая, Люба и Семен Кириллович».

И рядом:

«Жизнь — серьезный предмет для наблюдения...»

«Андрей, — выведено ниже, — будешь в конторе, напомни о спальных мешках... Мы не могли дозвониться. А время не ждет».

В углу над крылечком нацарапано:

«Где ты, Наташа? Ждали тебя, ждали... А тебя все нет. В общем Морозов велел скорее следовать к месту работы. Если сможешь — догоняй... Коля».

Было видно по всему: он шибко волновался, этот неведомый Коля. Неровные поблекшие буквы сползали по тесовой стене. Вплотную к ним льнула свежая, четко врезанная надпись:

«Эх, Колька, эх, ты! Что же ты? Обидно... Наташа».

И, перекрывая все, чернел восклицательный знак. Огромный знак. Жирный и радужный, в густых потеках: кто-то провел по стенке пальцами, измазанными в нефти.

Я долго смотрел на этот любопытный фасад. Многие надписи выглядели как стихи — взволнованно и недоговоренно и оттого чуть загадочно. Здесь сочеталось все: приметы времени — цифры и даты, веселый лиризм и скупость документа.

Нефть

Рисунки И. БРУНИ

Человек в скрипучей кожанке подошел, постоял прищурясь. Усмехнулся, собрав у рта морщины.

— Забавно! — сказал он. — Две сотни надписей. А ведь я позавчера вытер стенку на чисто... Что делается! А впрочем, что ж... Нефть! Это слово особое.

Серьезное слово. С большой буквы. Под большим восклицательным знаком!

2

— Нефть!

Начальник Шаймской экспедиции Иван Федорович Морозов произносит это слово нетромко и протяжно; он как бы смакует его.

— Нефть! Богатейшее химическое сырье.

Он задумывается на мгновение. Потом медленно говорит:

— Есть на юге, недалеко от Тамани, небольшой обелиск. Он воздвигнут в честь первых российских нефтяников — Новосельцева, Губкина и Менделеева. Да, да, великий химик Менделеев знал цену нефти и всю жизнь интересовался ею! Три имени у истоков отечественной нефти! Это ведь символично, что они обозначены рядом — инженерная мысль, геологическая наука и русская химия!

У Морозова крупное, лобастое, облитое медным таежным загаром лицо. Весь его облик исполнен сдержанной силы. Это знающий разведчик. С нефтью, с ее поисками и проблемами связана, по существу, вся его жизнь.

...Он вырос в Татарии, в глухом прикамском селе. В памяти его навсегда сохранились суровые сороковые годы. Избяной полумрак. Жидкие отблески керосиновой лампы. Керосин экономили, его не хватало — шла война. И, может быть, именно тогда впервые задумался Морозов о нефти.

— Враг рвется к Кавказу, — говорили взрослые, — к нефтяным промыслам.

Шли пароходы вдоль камских плесов, трубыли, и пенели воду, и оставляли блескучий след. Шипя, накатывала на берег волна. На сней сверкали радужные разводы: это была нефть.

Она была всюду. Освещала жилье. Вспарывала воздух винтами самолетов. Питала грозные танки и мирные тракторы. Она нужна была легкой промышленности; синтетика и меди-каменты — все это тоже нефть! И с каждым годом потребность в ней становилась все насущнее; страна залечивала военные раны, отстраивалась, выполняя новые большие планы.

Окончив Пермский нефтяной техникум, Морозов сразу же, двадцатилетним пареньком, ушел в экспедицию; он твердо знал, как жить ему и что искать...

Он ушел, пообещав родителям непременно вернуться домой... И так до сих пор в пути. В дальней дороге. В бессменном поиске.

За эти годы он побывал в Якутии, бродил

Параллели и меридианы
подвигов

по югу Сибири — полуустепному и ветреному — и замерзл в уральской тайге.

В 1958 году буровые вышки поднялись у Салехарда — на севере Тюменской области. И вот тут начинается история большой сибирской нефти.

Нет, в ту пору она еще не была открыта. И все же о ней заговорили сразу: был обнаружен газ. Ценный сам по себе, газ, как правило, сопутствует нефти, состоит с ней в теснейшем родстве.

Итак, нефть должна быть! Морозов одним из первых поверил в Тюменское месторождение.

Долго длился поиск...

3

Низовья Оби суровы и сумрачны. Всюду, куда ни глянешь, только чахлый березняк, да кочки, да голые, вымытые метелями валуны.

Ветры здесь небывала яростны и прочны. Они идут с Обской губы, с берегов Ледовитого океана, ширятся и гремят на три стороны света.

...Ночью в такую вот метель по тундре полз вездеход. Он дрожал и захлебывался и, наконец, зарывшись в сугроб, заглох.

— Спокся! — сказал шофер. — Закуривай! — Он глянул в лицо Морозова и отвернулся. И вдруг закричал в отчаянии: — Я докладывал механику: мотор разболтался, ему «капиталка» требуется! Я толковал...

— Сколько до Салехарда? — негромко спросил Морозов.

— Двадцать километров.

— Н-да, Сриключениеце! — сказал из глубины кабины геолог-новичок. — Что теперь делать будем, Иван Федорович?

— Закуривай! — усмехнулся Морозов. Нащупал в кармане «Беломор», вытряхнул из пачки папиросу и старательно размял ее. Потом он долго молчал — слушал ночь.

— Ветер слабнет, — сказал он, гася окурок. — Слышиште? Часа через два метель кончится. Но тогда мороз завернет — не дай бог...

Он медленно и крепко потер ладонь о ладонь. Запахнулся. Натянул меховые рукавицы.

— В общем ждать бессмысленно.

— То есть как? — испуганно дернулся водитель. — А вездеход?

— Что вездеход? — грузно, всем корпусом, повернулся к нему Морозов. — Это, брат, не вездеход, а гробница... Да и вообще о машине раньше нужно было думать. Здесь мы ее не спасем. И себя тоже... Надо пробиваться к Салехарду.

Они вылезли из машины и сразу ослепли от снега — окунулись в свистящее месиво. Ветер забивал дыхания.

Геолог сказал:

— Двадцать километров — дико подумать! — Он пошатнулся, закашлялся. С трудом перевел дух. — Нет, я не пойду. Лучше отсидеться.

— Пойдешь! — сказал Морозов. Он сказал это жестко и хрипло, с трудом разлепляя губы.

Он двинулся во мглу, кренясь и проваливаясь в сугробы. Махнул спутникам:

— Давай за мной! Вплотную. След в след...

Потом метель угасла. Воздух загустел, стал звонок и жгуч. И сразу ресницы и губы задубели, взялись колючим инем. Поляхнуло сияние. Зеленый неживой огонь распался на небе и пролился в тишине. Легли ломкие тени — из края в край перечеркнули тунду, и казалось, нет этой тундре края.

Так они шли: впереди — Морозов, за ним след в след — двое. Вокруг плясали столбы зеленого света. Монотонно и нескончаемо похрустывал наст... Они пришли в Салехард на исходе ночи.

Морозов вывел людей из беды. Он всегда верил в силу свою и удачу... И всякий раз, бредя по завьюженной пустыне, он думал о нефти. Знал, что отыщет ее; не теперь, так позднее. Все равно найдет!

Но иногда приходили раздумья. Да, он умеет вести людей; они не зря ему верят. Но сейчас речь идет о большом, государственной важности деле, об огромной ответственности перед страной...

Начальник Тюменского геологоразведочного управления, седеющий, грузный, медленный в движениях, однажды сказал ему, щуря острые свои глаза:

— Знаешь, во сколько обходится государству каждая буровая установка? То-то... Затягивать разведку нельзя. Попробуй переместиться южнее, в Кондинский район. Там условия благоприятнее. Постарайся проникнуть в нижние горизонты, к более древним отложениям. Надо идти в глубину!

Вскоре вышки вознеслись над туманными берегами Конды. С удвоенной энергией развернулся здесь поиск: упорный, глубинный, пристальный... А затем — как всегда, почти внезапно — пришла удача. В бригаде бурового мастера Семена Урусова на участке Морозова ударила первая нефть.

Теперь поиск шел двумя путями: в тайге и бесконечной тиши кабинетов. Мало было пробиться к нефти, предстояло еще определить масштабы и ценность месторождения. Этим и занялись геологи.

Тюменская область — крупнейшая владина Европейского материка. Она опускается к морю. И всюду одинаковый рельеф, схожее строение пород.

И всюду признаки нефти; одни и те же для всей зоны. А значит, здесь единая нефтяная провинция.

Постепенно была создана новая геологическая карта области, доказывающая наличие мощного нефтяного месторождения, простершегося от Конды до Ямала, от Енисея до Уральских гор...

4

Утром, еще до света, я отправляюсь в знаменитую урусовскую бригаду.

Края, само собой, не курортные, — задумчиво говорит шофер. — Чащобы, топи — одно слово, север! Но, между прочим, мне по нутру. Охота богатейшая! И вообще... Каждый сам выбирает себе дорогу!

Линялая синева, запах изморози. Шелест шин. Вспыхивают выхваченные фарами стволы. Ослепительные и плоские, они летят навстречу нам и пропадают за окнами кабины. До бригады Урусова от экспедиционной базы — 25 километров. Путь по здешним местам не простой, и шофер торопится к началу утренней смены.

Он словоохотлив и деловит, этот шофер. Большешеруккий, в лоснящемся ватнике, он говорит, не отрывая глаз от ветрового исполосованного мглой стекла:

— Раньше, само собой, трудно было: ни жилья пустого, ни дорог... Однако обжились!

В этот момент грузовик сотрясается, разворачивается боком и медленно ползет под откос...

Потом мы яростно рвали рукоятку стартера и, задохнувшись, валились наземь, на скрипучую хвою.

Мы отыхали под осенними звездами, они текли и блекли в вышине, и, глядя на них, шофер вздохнул.

— Звезды... Когда мы в первый раз перевозили оборудование к урусовской скважине, тут, брат, были дела... Помню, застрял я в болоте — один, в феврале. Чую: дело гиблое. Замерзаю. А вокруг — пустота! Ни звука, ни огня, только звезды — ледяные, колющие... Посмотришь на них, и еще холодней становится. И в ушах словно бы песня какая-то все звенит, звенит, наплывает издалека... В общем спасло меня то, что машина грузовая, понимаешь? Дощатый кузов... Рванул я доску с борта, а руки уже слабые, костяные. Плеснулся бензину, а сам плачу. Греюсь и плачу. И машину жалко, и себя жалко, и деваться некуда. И так до зари.

Шофер резко поднялся. Отряхнул ладони.

— Кузов потом пришлось за свой счет ремонтировать. Но это по совести... — Он шагнул к радиатору. Рванул стартер. — Такие дела... А сейчас — что ж... Можно сказать, одно удовольствие...

Три раза останавливались мы, три раза — за недол-

гий этот срок — хлопотали у замолкшей машины; выбивались из сил и снова лезли в кабину, и так незаметно иссякла ночь.

Выпукло и подробно обозначилась тайга; плотно обступила дорогу. Стали видны размоины и коряги, глинистые оползни, рыхкие щебенистые сбросы.

Таежные дороги! Суровый, исполненный тревог и беспокойства мир. Часто с таких вот путей — ухабистых и глубинных — начинаются новые стройки. Я сидел в тряской, пропахшей бензином кабине, глядел на шоферов и думал о нашем времени.

Можно по-разному вообразить себе приметы эпохи: она многолика. Но почему-то мне всегда представляются они в образе таежного паренька — изыскателя, строителя или шофера. Его нетрудно встретить у любых широт. Он первым вламывается в тайгу, прокладывает пути в ней, преобразует землю... С сильными руками, в ватной спецовке, он общителен и деловит.

А дорога все светлей. Еловая грива редеет, и за поворотом начинается утро. Пронзительный свет течет над равниной, над зыбкими кочками и бледной травой. Равнина пустынна и однообразна. Даже сейчас, в заревом освещении, она кажется пасмурной. Сизый иней. Тусклое олово луж. Курчавится вдали березнячок, неяркий и жиidenький: там оседает туман.

Дорога обрушивается в распадок, и шофер говорит пригибаясь:

— Последний ложок. Выберемся — и все дела!

Он цепко обнимает баранку. Нервное, угловатое лицо его напряжено. Упорно, с тягостным скрежетом ползет грузовик на подъем. Вот-вот опять ослабнет мотор, заглохнет и не вытянет...

— Вытянем! — отрывисто, как заклинание, цедит шофер. — Вытянем, вытянем, вытянем!

И словно в такт ему постукивает мотор.

Машина переваливает через откос и набирает скорость.

— Полный порядок! — смеется шофер. — Теперь до бригады рукой подать.

И тотчас навстречу нам из-за дальнего березняка ударяет солнце. Огромное, сплющенное, белое, оно затопляет дорогу. И туда, в пекло, в сияющий день, грохоча, пролетает машина.

5

Я встретил Семена Урусова неподалеку от буровой вышки. Он стоял на краю песчаного котлована, широколицый, в потертом свитере и кирзовых, забрызганых нефтью сапогах.

У ног его — почти бровень с краями котлована — поспиркивала густая маслянистая жидкость.

Объемистый рубчатый шланг тянулся к котловану — отводил нефть из скважины; вдали маячили огни, двигались людские силуэты. А надо всем, глуша голоса и сотрясая почву, высилась сорокаметровая буровая.

Ее опоры, металлические ноги, были расставлены широко и прочно. Их опоясывал туман; слоился по-низу, медленно редел, и только верхушка буровой чернела остро и отчетливо. И мне на мгновение почудилось: это упало и клубится рассветное небо, белесое и низкое, пронзенное насквозь стальным острием.

Урусов сказал:

— Богатая скважина! — Он задержал взгляд на вышке. — Сейчас у нас уже несколько десятков таких; скоро счет потеряем. Но, конечно, первая скважина — дело особое. Ее не скоро забудешь. Тогда ведь что было? Глухь, бездорожье, сомнения всяческие... Теперь и сравнения быть не может.

— Одно удовольствие! — улыбнулся я, невольно припомнив моего знакомого, шофера.

— А что? — Урусов поднял белесую бровь, передвинул папироску в угол рта. — Если вдуматься — верно. Здесь все, кого ни спроси, живут настоящим делом. Их в другую жизнь калачом не заманишь... А вспомнить в самом деле можно многое.

И он умолкает. Глаза его уходят в тень.

— Впервые нефть ударила осенью, в такое же вот раннее утро...

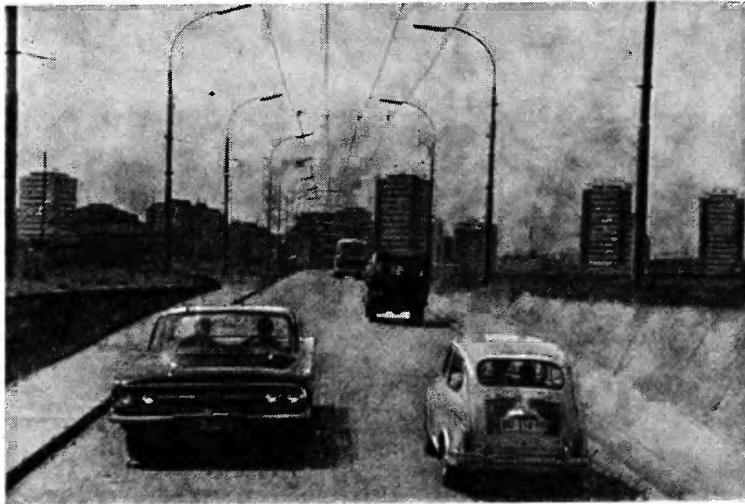
(Окончание в следующем номере)

В. ДРУЖИНИН

Вестник Победы

Из белградского дневника

В Белград прибывают по суше, по воде и по воздуху.

Три входа — три лица у города.

Кто прилетает в Белград, сходит на бетонное поле аэропорта, которым по праву гордятся югославы. Из всех аэропортов Европы он, наверное, самый юный.

Поле размечено цветными лампочками, словно расшито красочной тесьмой. Здание вокзала — поразительно легкая, воздушная конструкция из бетона и стекла.

Мы привыкли к геометрическим формам современной архитектуры — целесообразной, экономной, но, увы, иной раз до скуки одинаковой в разных странах мира. Здесь же перед вами здание — словно самолет, рвущийся в небо. Клекот стани моторов за прозрачными стенами усиливает это впечатление.

Если вы въедете в Белград по суше, вас тоже встретят новостройки. Они как бы охватывают столицу, в которой уже около миллиона жителей. Наиболее интересны, пожалуй, подступы с севера, где расположен Новый Белград.

На плоском приречном краешке воеводинской равнины высятся четыре тринадцатиэтажных здания. Опоясаные балконами, верандами, они не выглядят грузными. Градостроители решили нарушить и стандарт прямоугольной планировки: высотные дома поставлены полукругом, и улицы, бегущие от них, подобно лучам от вогнутого зеркала, сливаются вдали. В числе новоселов в Новом Белграде тысячи студентов, которым народная власть предоставила уютный, просторный университетский городок.

По плану новый район столицы должен принять двести пятьдесят тысяч человек.

Мало кто верил энтузиастам, начинавшим здесь стройку. Считалось, что зыбкая болотистая почва поглотит каменную кладку. Землю усмирили, сцементировали. Югославские специалисты применили самые передовые методы укрепления грунта.

Старожил-белградец смотрит на Новый Белград с особым чувством. Он ведь помнит: на этом месте был лагерь смерти. Убитых и полумертвых гитлеровцы укладывали в штабеля, обливали керосином и сжигали, и не было уголка в го-

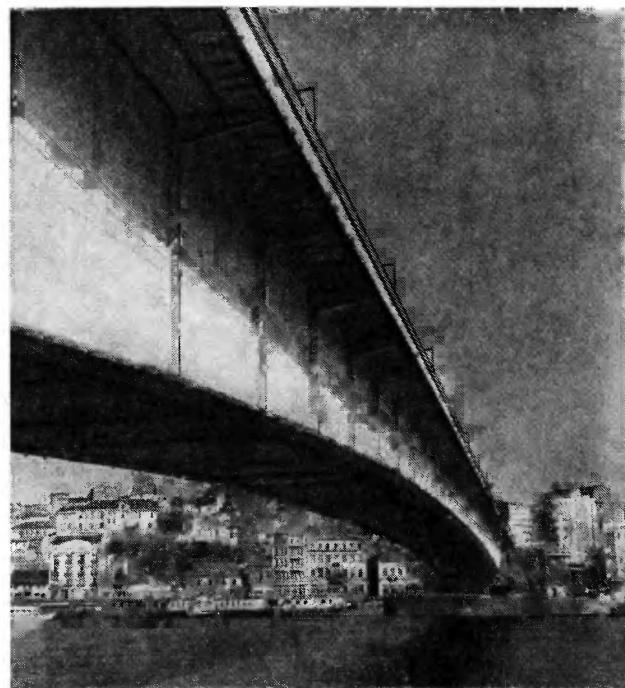
роде, куда бы не проникала гарь этих страшных костров.

Новый Белград — это торжество жизни над пепелищами.

Есть еще третий въезд в столицу — водный.

Белград — город речной. Теплый ход сворачивает с Дуная в устье Савы, и вы видите справа Новый Белград, а слева, на высоком берегу, — Белград «главный».

Густая зелень парков курчавится по откосам, ее прорывают светло-серые кварталы города и коренастые башни старинной крепости — словно каменные короны, упавшие наземь и проросшие дере-

НАД ГОРОДОМ

вьями. А на самой стрелке, у слияния Савы и Дуная, стоит над крепостью на рифленой колонне бронзовый воин.

Воин устало опирается на меч. Он вышел из жестокой сечи. Отважная птица сокол сидит на ладони юнака. Это вестник победы — творение замечательного скульптора Ивана Мештровича.

Сойдя с пристани, вы окажетесь на невзрачной припортовой улочке, врезанной в склон. Трамвайчик, дребезжая, одолевает подъем. Пожилая женщина в черном платке, длинно, по-черногорски спадающим сзади, несет из булочной кусок бюреека — слоеного пирога с сыром.

Чувствуется, что центр города

башенку Небойша, что значит: «Не бойся», — и видишь сербов, которые, не страшась, насмерть бились с турками.

Обосновавшиеся потом в крепости турки

«взяли глиняный таз для гаданья, зачерпнули воды из Дуная, потащили на башню Небойшу, наверх башни поставили воду, чтобы по звездным в воде отраженьям разгадать, что судьба обещает».

Песня говорит, что турки в ярости разбили таз и закинули обломки в реку: худой конец предсказали звезды, снова поднялся непокоренный народ.

Теперь лишь зелень парка, по-

закрыт, она вся отдана во власть гуляющих. Бурная мешаница наречий, лиц. Вы заметите резкий профиль горца, словно отчеканный на металле. А вот высокий, на голову выше прочих, стройный далматинец, в чертах которого как-то своеобразно соединяются и мужественность, и мягкость, и чуть-чуть юмора в извилине губ. — очень красивое славянское племя выросло у теплого Адриатического моря.

Мне как-то довелось прочесть очерки корреспондента русской газеты, побывавшего в Белграде незадолго до первой мировой войны. Он описывает город, полный бедняков и полицейских. Сломя голову носился в своем автомобиле, сбивая прохожих, наследник престола. Потомки знатной фамилии прославились самодурством и дикостью. Тот же наследник забил до смерти своего слугу, подавшего его высочеству не ту одежду. Папаша-король заявил в его оправдание представителям прессы: «Мы, Карагеоргевичи, страшно вспыльчивы. Это у нас фамильное...»

выше. Вы поднимаетесь по ступеням в тени чинар и акаций. «Велика степеница» — гласит табличка на столбике ограды. Это значит — большая лестница.

Наверху вас ждет улица в своем роде: столичная, с домами разных оттенков белого и светло-серого цветов. Белград оправдывает свое имя. Дома разных стилей, разного возраста и высоты, улица извилиста, так как подчиняется рельефу: чем-то она напоминает старый московский Арбат.

...В крепости Калемегдан воображенное вызовет и витязей из дружины первых сербских королей, при которых город называли Белградом. Поглядишь на граненую

южному напористая, осаждает крепость, бросая на штурм отряды проворных вьющихся растений. Местами они прорвались, дружно хлещут со стен в укромные дворики и проулки. Здесь лабиринт, путаница крутых мощенных троп, продетых в игольные ушки многочисленных ворот. Тысячи белградцев заполняют Калемегдан по вечерам. И крепость, заполненная жизнью, броско одетой, экспансивной толпой, выглядит совсем не грозно — живописной декорацией, оставшейся после исторического действия.

Аллея выводит нас на широкую короткую улицу. В вечерние часы доступ транспорту на эту улицу

Со скорбью покинул Сербию замечательный инженер Никола Тесла — он уехал за океан к Эдисону. Оттуда с американской маркой прибыли в Европу генераторы Тесла и другие блестящие его изобретения. В королевской Югославии тесно было инженеру, ученному, архитектору. Страну продавали иностранным монополиям. Белград весь был, в сущности, пристройкой к банковским кварталам Парижа, к лондонскому Сити.

Новый Белград не только за Савой, он прорастает всюду, пользуясь каждой прогалиной в старой застройке, а то и раздвигая, сметая ее с дороги. Для новых зданий часто выбирают и место повыше,

на холме, над обрывом, над зеленым разливом сада, затопившего ложбину. Тем рече контраст старого и нового в этом городе под сенью вестника победы.

С какой любовью принесли югославы отстраивать свой Белград! На панели блестят медные буквы, вбитые навечно, — краткое напоминание о том, что здесь трудилась на субботниках такая-то молодежная бригада, убирала кирпич, разбросанный взрывом фашистской бомбы, извлекала мины; клала фундаменты, сажала деревья...

Недалеко от площади Теразии — старого центра — возник Дом югославских профсоюзов, весь в одежде розового гранита, и образовался новый центр Белграда — площадь Маркса и Энгельса. Широкий полуокруг дома замыкает ее, а по вечерам освещает прожекторами, укрепленными на карнизе, за матовой стеклянной лентой. Молние сверкает эта лента под чернотой южного неба. Поблизости, против здания Скупщины, разноцветно полыхают струи фонтанов — длинная стена пляшущей воды посреди улицы, над зеркалом бассейна.

Много цветов брошено к ногам столицы. Их держат, как в горсти, вазоны, расставленные по обочинам улиц, и декоративные стаканчики на тонких фонарных столбах. Прежний Белград был невеселым городом, и тем горячей сегодня желание украсить его, заставить улыбаться. Новые хозяева обижают, растят свой город с нежностью и с хорошей выдумкой.

...Белград пронизан ощущением народной победы — вот главное, что хочется о нем сказать.

С волнением входишь на кладбище воинов-освободителей. Каменный рельеф у ворот изображает братскую встречу народов Югославии с советскими воинами. Надгробия суровы, как скалы балканских вершин, поверхность плит сложена лишь там, где высечены имена павших — югославов и наших бойцов.

«Непознати борац», — читаешь на глыбе гранита. Кто он? Верно, русский похоронен среди однополчан в далекой, но дружеской земле. Он не забыт, югославская мать усыновила его посмертно — вот свежие цветы, положенные ее рукой.

Возле кладбища стоят три высотных здания — как три гвардейца в парадной форме, белой с голубым, — в почетном карауле.

Да, многое в столице Югославии, как и во всей стране, напоминает о скрепленной кровью дружбе наших народов...

Вы покидаете Белград. Теплодход отчаливает от Савской пристани, огибает стрелку, и вы прохожете взглядом вестника победы, салютующего судам с мирного Калемегдана. Над головами, гро-

хоча и лязгая, нависает мост-великан. В Белград движется тяжело нагруженный товарный поезд.

Вспоминается история этого моста.

Война еще не кончилась. Наши войска по весенным дорогам устроились к Вене. Мост, взорванный гитлеровцами, выглядел огромной баррикадой железного лома, торчащей над водой.

Семь лет сооружали мост иностранные фирмы. Какой же срок потребуется, чтобы отстроить мост заново? Стали высчитывать. Получилось три с половиной года. Немыслимо! Надо скорее, скорее!

Советские инженеры понимали:стройка моста, связывающего Белград с хлебной Воеводиной, — дело срочное. Год на эту работу, не больше!

Десятки водолазов, наших и югославских, погрузились в Дунай, чтобы расчистить русло от обломков. Река по весне вздулась, разбушевалась, налетела холода «кошава» — свирепый северный ветер. То и дело надвигались запоздалые льдины.

Однажды пробили тревогу. Водолаз Валентин Симонов застрял в чаще перекрученных балок. Течение втолкнуло его туда и заперло, словно в капкане. С ног водолаза сорвало свинцовые грузы. Он повис вниз головой.

Товарищи кинулись на выручку. Но Дунай в тот день особенно разыгрался. Вот уже семь, восемь часов висят под водой Симонов, удущливый туман заволакивает сознание. Помощь все не идет, течение с необычайной яростью отбрасывает людей. «С русским другом несчастье!» — весть достигла Славко Станоева, прозванного подводным асом. За двадцать лет работы Станоев хорошо изучил нрав родной реки. По дну ее он ходил уверенно, как по мостовой.

Станоев работал далеко от моста. Его подняли на поверхность. Короткая передышка на катере, мчавшемся к месту аварии, и опять в воду. Несколько раз отправлялся водолаз на поиск.

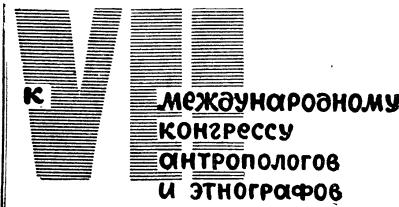
Минул второй день, вспыхнули над рекой прожекторы.

Наконец Славко Станоев пробился к Валентину Симонову и помог ему освободиться от подводного плена.

На больничной койке Симонов пришел в себя. Врачи предписали длительный отдых и ему и его спасителю. У Станоева были родные в деревне близ Белграда. Туда на поправку и увез дунайский водолаз русского друга...

А мост через Дунай, законченный в срок, красуется и поныне как замечательный шедевр техники, как символ труда и дружбы.

...Над головой грохочут вагоны — советские, венгерские, румынские, югославские — в одной, прочно соединенной движущейся цепи.

С большим интересом готовится к конгрессу Прутско-Днестровская экспедиция институтов археологии и этнографии АН ССР и Института истории Академии наук Молдавской ССР. Сотрудники экспедиции занимаются комплексным — археологическим, этнографическим, антропологическим, лингвистическим, палеографическим — изучением жизни народов юго-запада нашей Родины (междуречья Прута и Днестра) с древнейших времен и до наших дней.

Экспедиция выносит на конгресс ряд докладов. Основной из них называется «Этническая и культурная история населения юго-запада ССР от раннего железного века до наших дней».

Большое место докладе уделяется вопросам этнической истории. Авторы на конкретном материале показывают, что современные народы возникли не в виде каких-либо «чистых» или «избранных» групп из общей массы населения (как считают фашистские историки всех мастерий), а что процесс образования народов — сложный многовековой процесс, в котором большую роль играло смешение различных племен и других этнических общностей и их культур, что в этом смешении есть один из важнейших залогов жизнеспособности человечества.

Например, с VI до XII века нашей эры на юго-западе ССР (за исключением причерноморских степей) славянская культура была преобладающей. Однако славяне пришли сюда не на пустое место. Они перемешались с местными гетскими племенами, восприняв от них многие элементы материальной культуры и образовав в конце концов единий племенной союз, известный в летописях под названием тверцев. В середине X века племенной союз славян Поднестровья вошел в состав древнерусской народности, а территория Прутско-Днестровского междуречья — в границы Древнерусского государства.

К середине XII века после ожесточенных битв города и городская славянская культура юго-запада нашей страны были в основном уничтожены кочевниками. Однако славянское население на этой территории не исчезло — оно продолжало жить под защитой лесного массива Карпат в центральных районах Молдавии, а частично отступило на север, на земли сильного Галицкого княжества.

В дальнейшем славянское население Прутско-Днестровского междуречья вошло в состав молдавского народа, внеся немалый вклад в формирование его культуры, языка и государственности.

Благодаря многолетним работам экспедиции нам удалось на протяжении не скольких тысячелетий проследить историю жилищ, поселений, различных отраслей хозяйства и материальной культуры на этой территории.

Нам хочется по мере сил содействовать тому, чтобы конгресс, как и представляют себе его организаторы и будущие участники, проходил в атмосфере конкретного делового сотрудничества и содействовал расширению границ знаний в самой важной и значительной области истории — истории человеческого общества.

Доктор исторических наук
Г. Б. ФЕДОРОВ